

Содержание

<i>Примечание авторов</i>	6
<i>Введение</i>	7
Кризис подросткового возраста	7
ЧАСТЬ I. ЧЕТЫРЕ РЕЖИМА ВОВЛЕЧЕННОСТИ	25
1. Сила вовлеченности	26
Как раскрыть потенциал каждого ребенка	26
2. Режим пассажира	54
Плывущие по течению	54
3. Режим достижений	84
Две стороны медали совершенства	84
4. Режим сопротивления	115
Плывущие против течения	115
5. Исследователи	141
Продуктивные и счастливые	141

ЧАСТЬ II. НАБОР ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ВОВЛЕЧЕННОСТИ	175
6. Курсирование по режимам	176
Учимся вести конструктивные разговоры	176
7. Найти искру	195
Как поддержать ребенка в режиме пассажира	195
8. Умерить рвение	230
Как поддержать ребенка в режиме достижений.	230
9. От противоборства к прогрессу	263
Как поддержать ребенка в режиме сопротивления	263
10. Исследование	298
Успешное обучение и развитие на протяжении всей жизни	298
Полезные ресурсы	314
Подсказки родителям, как повысить интерес своих детей к знаниям и перестать воевать с технологиями	314
Приближаем «эпоху агентности»	333
Лидеры инновационных преобразований	333
<i>Благодарности</i>	342
<i>Ссылки и примечания</i>	347
<i>Об авторах</i>	375

Введение

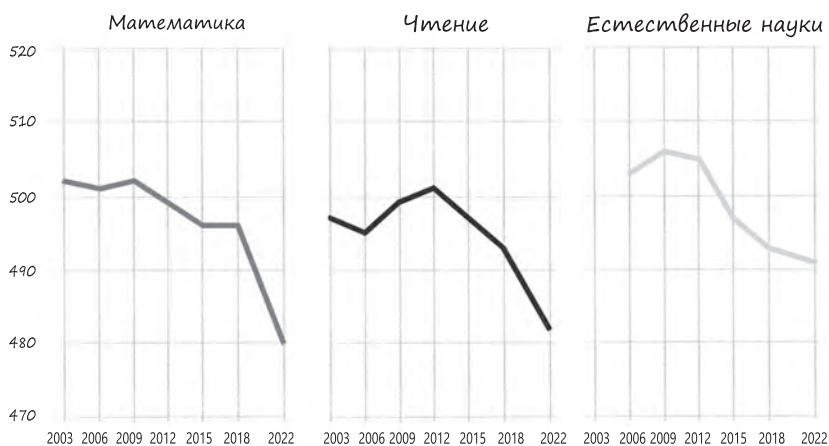
Кризис подросткового возраста

В мире образования правят тесты. Они используются для оценки знаний детей, измерения их прогресса и понимания того, в какой колледж им идти, — что-то вроде волшебной шляпы из Хогвартса, которая при поступлении распределяет учеников в соответствии с их способностями и склонностями, с той лишь разницей, что в обычной школе тестирование осуществляется на протяжении 13 лет. А один тест оценивает не только знания учащихся, но и их способность критически мыслить и решать проблемы. Он называется PISA (Programme for International Student Assessment — Программа международной оценки учащихся) и проводится Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) раз в три года, начиная с 2000 года [1]. Этот тест, в котором участвуют подростки в возрасте 15 лет, считается чем-то вроде академического ВВП (валовой внутренний продукт) — основным показателем эффективности системы национального образования на международной арене. Сначала он включал математику, чтение и естественные науки, но позже добавились такие критерии оценки, как творческое мышление и общая грамотность. Данные мониторинга отражают уровень знаний, навыков и компетенций

старшекласников в различных областях, и на их основании составляется рейтинг стран по качеству среднего образования*.

Примерно до 2015 года регулярно публикуемые результаты исследований PISA в целом оставались стабильными. Экономика нуждалась в компетентных молодых специалистах, и государства вкладывали миллиарды в школьные системы. Но потом картина изменилась: средние показатели по чтению и естественным наукам стали снижаться. В 2018 году показатели стали снижаться и по математике. В 2022 году исследование PISA вышло под громким заголовком: «Успеваемость пятнадцатилетних школьников во всем мире резко падает» [2].

Итоги исследований PISA 2003–2022

Источник: Отчет ОЭСР (2023), результаты PISA-2022 (том 1), «Состояние и актуальные проблемы образовательных систем мира».

Такая отрицательная динамика не просто озадачивает — она вызывает реальную озабоченность [3]. По крайней мере, если считать качество национального образования, которое мониторит PISA, основным индикатором будущего экономического

* В 2022 году тест PISA прошли 690 тыс. учащихся, являющихся репрезентативной выборкой из 29 млн человек.

и социального благополучия страны. Хорошо образованные граждане эффективно трудятся и сообща решают комплексные проблемы вроде глобального потепления, поляризации общества или засилья сверхмощных технологий, таких как искусственный интеллект. Высококвалифицированные специалисты лечат болезни и облегчают дискомфорт; знающие предприниматели продвигают инновации; подготовленные инженеры создают красивые и, главное, прочные мосты и другие конструкции. Если же подрастающее поколение становится все менее грамотным, то как мы, спрашивается, сможем жить более здоровой, счастливой и полноценной жизнью? Устойчивое снижение показателей PISA — такой же тревожный сигнал, как и устойчивое снижение показателя ВВП в экономике; оно свидетельствует о рецессии и наводит на вопрос: почему у молодежи наблюдается спад познавательной активности?

Пандемия, безусловно, ухудшила положение дел. Столь длительная социальная изоляция серьезно сказалась на психоэмоциональном и когнитивном развитии подрастающего поколения, и больше всего пострадали дети из неблагополучных семей. Но приведенные выше данные свидетельствуют о том, что проблема возникла задолго до марта 2020 года. Многие винят в этом технологии и, в частности, смартфоны, которые полностью завладели вниманием наших детей, отвлекая их от сна, живого общения с друзьями и учебы.

Однако существует и более глубинная причина, о которой редко упоминают: шокирующее количество молодых людей больше не видит смысла учиться. Как результат, они теряют мотивацию и бросают школу. По данным соцопросов Бюро переписи населения США, только один из трех учащихся проявляет высокую активность на уроках [4]. Технологический прогресс усугубляет ситуацию, но не является ее источником [5]. Дети видят, что происходит в мире: войны, социальная несправедливость, изменение климата, дезинформация, технологии, способные писать романы и давать советы на личные темы, — и не понимают, зачем им изучать теорему Пифагора. И это глобальная проблема. В США менее

Сила вовлеченности

Как раскрыть потенциал каждого ребенка

Когда Киа ходила в детский сад в Хантере, штат Северная Дакота, она была самым смышленным ребенком в группе. В начальной школе она тоже прекрасно успевала, выполняя прямо в классе все, что им задавали на дом. В свободное время девочка читала книги Перси Джексона и играла на саксофоне и пианино, после чего взялась за гитару. По совету отца она самостоятельно разучивала песни, такие как Tribute Джека Блэка. В их провинциальном городке с населением меньше четырехсот человек для детей не было особых развлечений, но Киа всегда находила чем заняться, а вечера проводила с отцом, читая, играя или слушая музыку.

Но в V классе домашние задания стали более объемными и Киа (к слову, белокожая девочка) начала терять интерес к учебе. Школьная программа была не столько трудной, сколько унифицированной и жесткой, что было скучно и не позволяло уделять больше времени любимым предметам — чтению, рисованию, пению и музыке. Особенно сложно давались творческой по своей натуре Киа однообразные, повторяющиеся задания. Традиционная форма обучения с упором на то, чтобы все тихо сидели, слушали и писали, казалась ей удушающей. Она не видела причин вкладывать свои усилия в то, что считала бессмысленным.

В 12 лет девочке поставили диагноз СДВГ, который был и у ее отца. Это помогло ей понять ее школьные проблемы, но не помогло стать более мотивированной. В 13 лет у Киа появился айфон и она проводила в нем гораздо больше времени, чем за учебниками. Девочка целыми днями сидела в своей комнате, просматривая видео и прокручивая ленты соцсетей, и все реже выходила из дому и общалась с людьми. Она забросила чтение и все свои остальные увлечения. COVID с его локдауном не улучшил положения. Киа перешла на домашнее обучение, но, как и многие другие подростки, ничего не делала и чуть не завалила экзамены за IX класс 2020/2021 учебного года. «Учеба перестала приносить радость и превратилась в утомительную обязанность — обязанность, которую я никогда не выполняла и испытывала из-за этого дикий стресс», — рассказала она нам.

В школе были в курсе, что у Киа проблемы. «Мы теряем этого ребенка, она ничего не хочет делать, не выполняет домашних заданий, не слушает на уроках», — вспоминает свои мысли в то время Том Клэпп, один из ее учителей. Киа знали как хорошую, способную, начитанную девочку, с «которой действительно интересно поговорить». Но всем было очевидно, что школа ей не нравится. «Учителя говорили: “Запишите то-то и то-то”, а она просто отказывалась писать, потому что не видела в этом никакой ценности», — сказал Клэпп.

Киа не любила сдаваться. Ее терзало чувство вины и стыда. Она злилась, что не может сделать то, что другим, казалось, давалось легко и просто, и стала считать себя глупой. Но хуже всего она чувствовала себя, когда думала о своем отце Ли. Ли бросил колледж и 20 лет работал на хлебозаводе, пройдя путь от рабочего до менеджера. Но он всегда подстегивал Киа хорошо учиться, чтобы иметь больше возможностей в жизни, чем у него. Как-то он сказал, что стремление дать ей хорошее образование было способом показать свою любовь. Когда Киа проваливала учебу, он, по ее словам, не ругал, а просто с ней разговаривал и поощрял задавать вопросы. «Мы говорили часами», — рассказала она нам,

не уставая повторять, что ее папа — умнейший человек. Когда со школой не сложилось, она знала, что подводит его, и ненавидела это.

В X классе учителя обратили внимание на резонные рассуждения Киа о практической пользе школы и предложили ей войти в состав консультативной группы учащихся, отправляющейся на заседание комиссии по образованию в Фарго. Почему бы ей не поехать и не поговорить с законодателями и педагогами о том, как сделать учебный процесс более интересным и увлекательным? «В этот момент у меня в голове что-то перещелкнуло, и мысль “Это бесполезно, и я все ненавижу” сменилась на “Погоди, может, еще не все потеряно”, — объяснила Киа. — Поэтому я, естественно, согласилась».

Группа отправилась в Фарго. Киа нервничала. У нее не было опыта публичных выступлений, а сказать хотелось о многом. Подготовиться заранее было проблематично, потому что ребята не знали, о чем их будут спрашивать. Сначала Киа отвечала на вопросы комиссии («Что вызывает у вас озабоченность в отношении будущего?» «Какие изменения следует осуществить, чтобы улучшить положение дел?»), стараясь звучать как можно более официально («говорить длинными витиеватыми фразами, которые на самом деле ни о чем»), но потом поняла, что надо не умничать, а просто фокусироваться на сути своего сообщения и выражаться предельно ясно.

Когда ее, наконец, спросили, не хочет ли она сказать что-нибудь еще, она увидела свой шанс. Она сказала, что дети просто не видят смысла ходить в школу — сидеть за партами и зубрить ненужную теорию вместо того, чтобы заниматься делом и насущными вопросами, такими как изменение климата, перекосы на рынке труда и растущие проблемы с психическим здоровьем молодежи. Заставить детей учиться нельзя, сказала она. Они должны хотеть это делать. И когда они захотят — тогда им станет действительно *интересно* учиться и их будет не остановить.

Высказавшись, она почувствовала облегчение. Она сказала то, что пришла сказать. Ее услышали. И это было здорово.

На том заседании комиссии по образованию Киа говорила от имени бесчисленного множества детей и подростков. По данным опроса, проведенного ее школой в 2021 году, только 34 % учеников с удовольствием посещали школу — цифра, соответствующая средним национальным показателям. «Мы задаем серьезные, глубокомысленные вопросы: “Кто мы?”, “В чем смысл жизни?», а вместо ответов нам дают уравнение, — написала Киа в эссе, резюмируя свое выступление в Фарго. — Мы хотим иметь возможность открыть свои таланты и способности, найти свое место в жизни, найти себя».

Хорошая учеба — общее благополучие

Быть подростком никогда не было легко. Но в наше время мы наблюдаем удручающую ситуацию повсеместно: в исследованиях, новостях, у себя дома. За период с 2011 по 2021 год уровень депрессии среди старшеклассников подскочил почти на 40 %. Трагически высокий процент риска суицида у детей старшего школьного возраста: в 2021 году 22 % опрошенных старшеклассников сообщили, что их посещают суицидальные мысли, 18 % составляли план ухода из жизни и 10 % пытались покончить с собой [1]. У подростков с нетрадиционной сексуальной ориентацией такая тенденция отмечается в 2 раза чаще [2]. И пандемия здесь ни при чем: за период с 2007 по 2017 год количество самоубийств среди молодых людей возросло на 56 % [3]. Проблема психического здоровья молодежи в Соединенных Штатах настолько серьезна, что в декабре 2021 года министр здравоохранения США назвал ее «национальной катастрофой, которую необходимо донести до общественного сознания» [4]. Молодые люди более одиноки, чем когда-либо, и более одиноки, чем любая другая возрастная группа, что является аномалией в истории [5]. Дети меньше общаются с друзьями, меньше занимаются сексом и меньше пьют — последние две вещи можно было бы считать победой, если бы не сменившее их тревожное недомогание. Они даже избегают бывать там, где еще могут побыть вместе. В 2022/2023 учебном году свыше четверти

Режим пассажира

Плывущие по течению

В средней школе Матео постоянно колол карандашом в спину одноклассников, сидящих впереди. Он был активным, общительным ребенком, и необходимость сидеть на уроках тихо и молча угнетала его. Украдкой держа под партой телефон, он писал сообщения друзьям, а потом передавал им записки. Тем для обсуждения всегда хватало. «Я везде найду, с кем и о чем поговорить», — сказал он нам.

Учителя часто делали Матео замечания, но он не попадал в серьезные неприятности. Он не срывал уроков и не делал гадостей. Он просто отчаянно хотел, чтобы произошло что-нибудь, *хоть что-нибудь* интересное.

В целом Матео считался хорошим учеником. Он учился на «отлично», играл в волейбол, занимался в драматическом кружке и посещал факультативы по углубленному изучению предметов: в VII классе — по алгебре, а в VIII классе — по геометрии. Учеба давалась ему легко. В начальной школе он пришел домой с почетной грамотой и сказал родителям, что они должны купить ему мороженое в качестве вознаграждения, потому что так делают родители других детей. Те согласились, хотя и не видели в этом смысла. Они переехали в Провиденс, Род-Айленд, из Доминиканской

Республики, когда Матео было четыре года, и он не очень хорошо говорил по-английски. Родители не давили на него с учебкой и не требовали быть круглым отличником, но дали ясно понять, что он их надежда и опора и должен хорошо учиться, чтобы стать успешным. Из трех сыновей он был самым грамотным и помогал семье во всем — от калькуляции счетов до перевода с английского языка на испанский.

Несмотря на хорошие отметки, Матео не интересовался учебкой. Когда учитель объяснял новый материал, он слушал буквально несколько минут, потому что обычно схватывал все на лету, а остальную часть урока искал, чем занять свой живой ум. Он доставал и доделывал домашнее задание к следующему уроку. Закончив с этим, наклонялся к соседу и рассказывал ему на ухо анекдот или одаривал своей обаятельной улыбкой сидящую напротив одноклассницу и т. п. Учитель геометрии ставил дополнительную хорошую отметку за каждую задачу, решенную дома онлайн, и Матео быстро сообразил, что может выезжать только за счет дополнительных отметок. Он никогда не выполнял домашние задания по геометрии, а просто каждый вечер быстро проходил онлайн-программу по математике. И все равно получал «отлично». «Я это не очень понимал», — говорит он сейчас. Почему учитель так легко позволял *не* выполнять работу? Все, что от Матео требовалось, — это овладеть искусством движения по инерции.

В VII классе ему было уже недостаточно колоть карандашом в спину одноклассников. Однажды он и еще несколько его друзей решили не возвращаться после перемены в класс, а пойти в столовую. Оглядываясь по сторонам, чтобы их никто не заметил, они радостно неслись по коридору, чувствуя себя бунтарями. На следующей неделе побег с урока повторился, и вскоре такие вещи стали происходить два-три раза в неделю.

На успеваемости Матео это не сказывалось: в школе тратили столько времени на повторение материала, что он без проблем наверстывал упущенное. Но родители Матео стали регулярно получать звонки от учителей, чьи уроки он прогуливал. Парень

отнекивался, мол, произошла какая-то ошибка: «Я был на уроке. Не знаю, о чем говорит этот учитель». Его родители плохо владели английским языком, чтобы обстоятельно побеседовать с учителями. К тому же сын по-прежнему приносил хорошие отметки, поэтому они просто верили ему на слово.

Матео и его друзья решили пойти дальше в своих авантюрах. Однажды утром они, вместо того чтобы идти в школу, расположились на детской площадке во дворе соседнего дома. Проболтавшись там до часу дня, они изрядно проголодались и хотели тихонько проскользнуть в школу пообедать, но их увидела выглянувшая в окно учительница. «На этот раз я действительно попался», — говорит Матео.

Он почувствовал себя ужасно от осознания того, что может поставить крест на своей учебе и разочаровать родителей. Дома было очень туго с деньгами, так как много средств уходило на лечение бабушки. Тем не менее родители всегда заботились о нем как могли, жертвуя собственными потребностями. Когда он хотел сходить с друзьями в кино, они всегда находили способ собрать 20 долларов. Он начинал понимать, что значит быть для своей семьи «надеждой и опорой» — почему ему нужно хорошо учиться и стать успешным. Что касается его друзей, они никогда не учились и ни к чему не стремились. Матео ходил с ними только потому, что больше нечем было заняться, так как предпочитал скучать на игровой площадке, а не в классе.

В VIII классе Матео стал проводить все больше времени один, несчастный и немотивированный. Он перестал тусоваться с друзьями, поэтому в столовой или на перемене пообщаться было не с кем. «Я чувствовал себя одиночкой», — говорит он. Единственным человеком, с которым он вел содержательные разговоры в том учебном году, была учительница, руководившая драмкружком. Поначалу она недолюбливала Матео, ведь тот всегда бездельничал на занятиях, но потом поняла, что к этому ребенку нужно просто проявить внимание и заботу. Похоже, остальным это было невдомек.

Пассажиры: движение на нейтралке

Большинству окружающих Матео казался вовлеченным учеником — по крайней мере, пока он не начал прогуливать уроки. Он занимался в драмкружке, получал «отлично» и до VIII класса имел много друзей. У него была *поведенческая вовлеченность* — то, что демонстрирует большинство детей, следуя школьным нормам и правилам.

Но в глубине души Матео не любил школу. Он считал ее пустой тратой времени, не видел в ней важности или ценности. Ему не хватало *эмоциональной вовлеченности* в то, что его просили делать.

Наконец, Матео не проявлял рвения к учебе. Школьная программа была легкой и редко вызывала у него интерес. Он не стремился найти связь между своим обучением и своей жизнью. Его целью было найти самый легкий способ получать хорошие отметки, а не знания. Он не был *когнитивно* вовлечен в учебную деятельность.

Другими словами, в средней школе Матео в основном находился в режиме пассажира — катился по инерции на нейтральной передаче и не желал включать обороты. Режим пассажира характеризуется минимальной, поверхностной вовлеченностью. Дети в этом режиме совершают необходимые действия: отвечают на уроках, выполняют домашние задания и, кажется, счастливы просто сдавать предметы и переходить из класса в класс. Они подчиняются требованиям, то есть демонстрируют поведенческую вовлеченность (пока, как Матео, не начинают прогуливать школу), но не проявляют интереса к тому, что они изучают, и желания узнать больше, что означает отсутствие эмоциональной или когнитивной вовлеченности. Обычная реакция таких детей на школу — «бэ-э-э». Они пассивно участвуют в процессе своего образования. У них могут быть какие-то любимые предметы или занятия, но все остальное вызывает в лучшем случае полное безразличие.